

ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ СРЕЗ*

Т.Л. Гусева

В статье обсуждается зарождение предкатегориальных понятий пространства-времени и космологических представлений первобытного человека в аспекте специфики мифологического мышления и развития генезиса этих фундаментальных категорий и их связи с развитием древнего общества. Делается попытка вычлнить концептуальные и методологические подходы освоения мира древним человеком и их возможную актуальность для современного уровня развития науки и социума.

Ключевые слова: категория, пространство, время, космология, материя, мифология

Исторический генезис философии показывает, что начиная с самых ранних этапов развития человеческого общества категории пространства и времени были наиважнейшими понятиями, неразрывно связанными, с одной стороны, с практической деятельностью человека, с развитием социальных отношений, и с предельно общими представлениями о мире, о космосе – с другой. В настоящее время анализ пространственных и временных форм существования материи опирается прежде всего на фундаментальные исследования в области физики: на физические теории и модели пространства-времени. Надфизические формы движения материи (химические, геологические, биологические, социальные и др.), будучи моментами универсальных пространственно-временных определений, в известном смысле являются «надстройкой» над более фундаментальными формами движения материи, хотя их содержание к ним, в силу принципа несводимости материи к отдельным ее видам, не сводится. В философской рефлексии категорий пространства и времени принципиальное значение имеет раскрытие их методологического и мировоззренческого содержания и роли. Мировоззренческий анализ, раскрывая суть отношения человека к миру, основывается на культурно-историческом подходе к исследованию кате-

* Публикуется в авторской редакции.

горий, понимании общественной практики как универсального синтезирующего культурно-исторического начала, в ходе которого пространственно-временная деятельность субъекта рождает определения этих категорий как количественные и качественные определения социального и природного бытия. Диалектика объективного и субъективного, природного и общественного отражается в том, что, пространство и время не только существуют объективно, вне нашего сознания, но и «субъективно переживаются и осознаются людьми, причем в разных цивилизациях и обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и интерпретируются неодинаково. Человек руководствуется в своей практической деятельности и в своем сознании этими и иными основными категориями “картины мира”, и от того, как он их интерпретирует, во многом зависит его поведение, поведение социальных групп и развитие целых обществ. Изучение концептуального и чувственного “инвентаря” культуры позволило бы лучше понять ее существо и, следовательно, уяснить те условия, в которых происходило в ту или иную историческую эпоху формирование человеческой личности» [1]. Иными словами, только понимание категорий как исторически вырабатываемого в системе культуры инструментария осознания мира способно раскрыть их природу.

Современные вызовы и кризисные состояния в различных областях деятельности человека (прежде всего, общецивилизационные – экологические, социальные и т.д.) приводят все большее число исследователей к необходимости попытке охватить этапы эволюции науки и общества на уровне их парадигмальных оснований в глобальном историческом контексте, чтобы понять и осмыслить то, что было конструктивного и позитивного в прошлом времени, что неоправданно утеряно при развитии цивилизации и сегодня могло бы сыграть немаловажную роль в определении путей выхода из кризисных состояний. Не претендуя на полноту исследования вопроса, попытаемся проанализировать некоторые аспекты такой реконструкции применительно к изначальному обществу, к первобытному сознанию, к мифопоэтическому периоду, к донаучной мировоззренческой системе в преломлении категорий пространства и времени, космологических представлений, их происхождении и становлении.

О том, что человек на любом уровне своего развития учитывал пространственные и временные отношения, говорить не приходится – без этого невозможна даже самая примитивная практика. В историчес-

ком означали существования древнего человека выделяют три различных уровня учета пространственно-временных отношений: первый – человек как любое живое существо, подлечит пространственно-временным связям: ночью спит, днем бодрствует, обходит препятствия, ускоряет или замедляет свои действия сообразно с другими процессами; второй – пространственно-временные отношения учитываются в индивидуальных трудовых и других технических операциях – умение ориентироваться на местности, точный учет расстояний при метании снаряда, изготовление орудий труда. На этих двух уровнях категории как таковые не выделены, но онтологическая включенность человека в пространственно-временные связи стала предпосылкой формирования категорий, индивидуальная трудовая деятельность усложнила пространственные манипуляции при изготовлении орудий, появились трудовые навыки и необходимость последовательных действий. «Знание, вплетенное в трудовую деятельность, “техническое знание”, уходит корнями в дочеловеческое прошлое, в чисто инстинктивную, приспособительскую деятельность наших животных предков» [2]. На основе практической деятельности формируются языковые структуры, которые выражают разные аспекты пространственных и временных отношений – «больше», «меньше», «над», «вне» и т.д. Фиксирование в языке, а следовательно и в мышлении, некоторых форм пространственных и временных связей – значительный шаг на пути формирования категорий, но это еще не категории, а предкатегориальные формы. Категории же выступают общими понятиями, схемами, моделями этих связей и отношений и возникают лишь на третьем уровне, на сравнительно высоком уровне развития первобытного общества, когда возникает коллективная деятельность, организовывается и координируется жизнь племени. И здесь пространственно-временные схемы и модели объективируются прежде всего в календаре, в общем представлении о местности и мире. Практическая совместная деятельность в первобытном обществе, где первая необходимость освоения пространства была связана с распределением охотничьих территорий племени, когда эту территорию надо было как-то обозначить и определить, чтобы не было столкновений, обозначение мест пастбищ, общие первые представления о понятии времени, формирующиеся не на основе циклов природы, а на основе учета длительности и последовательности естественных событий в жизни человека и в органической связи с хозяйственной деятельностью, необходимость определять время коллективной охоты, праздников, явились источником формирования категорий как

общих форм осознания действительности. «Категориальная форма должна обладать общезначимостью, ее должны разделять, сообразно ей действовать все члены общества, коллектива. Только те пространственные и временные представления, которыми в равной степени руководствуются все члены общества, могут выступать в форме категорий – всеобщих, общезначимых структур. А общезначимость категории “пространство” и “время” могут почерпнуть только на основе общезначимых (коллективных) форм деятельности или общезначимых, то есть обязательных для всех социальных отношений» [3]. Социальная роль общезначимых категорий принципиально отлична от эмпирической применимости их отдельным индивидом, хотя включенность человека в онтологические связи природы и индивидуальная орудийная деятельность сыграли существенную роль в их становлении. Мысль о том, что категории мышления воспроизводят практику социальных отношений, неоднократно высказывалась Марксом. Отмечая связь категорий единичного (первый уровень), особенного (второй уровень) и всеобщего (соответственно третий уровень) с социально-практической деятельностью людей, Маркс пишет: «Но что бы сказал старик Гегель, если бы узнал на том свете, что общее означает у германцев и скандинавских народов не что иное, как общинную землю, а частное – не что иное, как выделившуюся из этой общинной земли частную собственность. Проклятие! Выходит, что логические категории все же прямо вытекают из наших отношений...» [4].

При анализе возникновения временных представлений наших предков необходимо учитывать, что их становление даже в большей мере, чем пространственные представления, базировалось на трудовой деятельности коллектива, потому что, в отличие от более устойчивых пространственных отношений и более легкого их повторения и воспроизводства, воспроизводство временных структур (последовательность, длительность) сопряжено напрямую с развитием памяти в силу своей неповторимости. Если на этапе собирательства то, что будет собрано завтра, никак не зависело от того, что было собрано вчера, то уже в пастушеских и земледельческих племенах сегодняшняя деятельность определяет жизненно важные условия того, что будет завтра. Если сегодня племя не засеет землю, то не будет урожая и можно умереть с голоду. Следовательно, для ведения успешной деятельности требовался довольно широкий временной горизонт, достаточно развитая оперативная память, объединяющая время в единый поток и одновременно разделяющая его на времена года, возникает необходимость

передачи через устную речь опыта предыдущих поколений. Структурированное время простирается на два-три поколения в прошлое и человек запоминает четкую последовательность событий, но события, произошедшие ранее, теряют временную определенность, лишаются временных ориентиров и хронологической последовательности, находятся за горизонтом мифологического времени. Выражение «это было давным-давно» и есть остаток в сказках такого восприятия времени. «Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией, – пишет Дж. Уитроу, – что при своем первом сознательном осмыслении времени человек инстинктивно пытался превзойти или устранить время» [5]. Опыт предков и его передача будущим поколениям был в то время настолько важен для выживания в природе, что уже традиционное общество ориентировано в прошлое, опыт важнее деятельности живых. Настоящее оценивается не через реализацию замыслов, идей, а через то, как оно соответствует прошлым образцам, будущее представляется как повторение прошлого. Еще одно качество пространственно-временного освоения мира первобытным обществом связано с чувственно-эмоциональной окрашенностью восприятия пространства и времени. Не зная абстрактной длительности, первобытный человек фиксировал только длительность и содержательную наполненность трудовых и естественных процессов. Например, определенный сезон воспринимается единым, в соответствии с происходящими событиями и спецификой труда в этот период. В нем схвачен качественно иной труд и иная природа (например, сбор урожая или посев). Два периода времени соотносятся не по длительности, а по качеству – ритуальный цикл, годичный цикл природы, промежуток между посвятельными обрядами. Смена поколений и возрастных групп тоже определялась не по годам, а например, как знание того, что те-то родились после этих, но перед такими-то. Такая цикличность восприятия многими исследователями интерпретируется как свидетельство господства прошлого над настоящим и будущим. На наш взгляд, такое господство было оправданным в том смысле, что позволяло, с передачей опыта прошлых поколений, выжить в природе и сохраняло неизменное, постоянное, сакральное представление об устройстве мира. Пространство аналогично воспринималось чувственно-конкретным образом, эмоционально и было социально окрашенным – место могло быть плохим или хорошим в зависимости от произошедших здесь событий, или священным. Вместо понятий сторон света говорили о направлении, где что-то было расположено, например, земля другого племени. Важно, что пространственно-вре-

менные представления в первобытном сознании формируются на основании социальной деятельности, носят общезначимый и жизненно важный для общества характер.

Сформировавшиеся категории пространства и времени, как показано выше, превратились в общезначимые ориентиры деятельности людей. Так ли это в наше время? Современные модели физического пространства представляют его многомерным. Последние достижения физики и астрофизики структурируют организацию неживой природы от физического вакуума, кварков и лептонов до образования звезд, галактик, систем галактик, Мультиверса. Физические концепции пространства-времени невероятно сложны и красивы, и в силу этого же остаются, к сожалению, в целом малоизученным материалом, известным небольшой группе специалистов. А в недавнем прошлом такие категории, как пространство и время, их исторически вырабатываемое в системе культуры понимание было важным для большинства людей и в этой необходимости понималось как инструментарий осознания мира, способный раскрыть его природу. Следовательно, общезначимость категорий лежит в основе развития общества и каждого конкретного человека. Встает вопрос, – каким образом квантовая механика, теория относительности, *M*-теория и др., то есть теории физических взаимодействий и пространственно-временные концепции, могли бы стать общезначимыми, жизненно важными, необходимыми для всех членов современного общества? Для этого на наш взгляд, а также с точки зрения проблемы создания единой теории всего, включающей пространство-время с дополнительными размерностями и физические взаимодействия, прежде всего необходимо включить рассмотрение развития самого человека в реляции человек – небесное тело. Видится целесообразным вычленить и исследовать бинарные (бинаризм как архетип универсальной идеи культуры обосновывается, например, М.С. Уваровым) соответствия развития человека и теорий физических взаимодействий. Такая исследовательская программа или модель могла бы, вероятно, начинаться с анализа представлений о том, как физическое тело можно сопоставить в бинарной оппозиции с гравитацией. Если можно обозначить бинар физическое тело – гравитационное поле, тогда электромагнитное поле в физике, видимо, может служить бинаром животному магнетизму или биологическому пространству человека, аналогично слабые взаимодействия, видимо, соответствуют психосоматическому, вегетативному комплексу человека. Встает закономерный вопрос – физические теории развиты гораздо существеннее, и мы

сегодня знаем сильные взаимодействия, теорию относительности, квантовую теорию – чему соответствуют они? Это проблемное поле исследования, но, на наш взгляд, объединительные теории всего не могут не содержать феноменологию человека как части природы, обладающей сознанием, как высшей формой развития материи. Если, в конечном счете, удастся сформулировать постулаты такой объединяющей теории, именно она может стать общезначимой и формирующей деятельность большинства людей и современные концепции пространства-времени перестанут быть далекими от жизни каждого человека.

Возвращаясь к мифологическому сознанию, попытаемся оценить некоторые аспекты мировоззрения наших далеких предков, образ и специфику его мыслей.

Прежде всего, как отмечает А.Н. Чанышев, когда «достраивая себя и через эту достройку-инструментирование изменяя окружающую среду, человек начал выделяться из природы, то в мироздании зародилось новое отношение – практический раскол между “оно” (мироздание) и “мы” (люди). Этот практический раскол имел свой духовный аспект в виде стихийно зародившегося основного вопроса мировоззрения, вопроса о взаимоотношении “оно” и “мы”» [6]. Чанышев считает, что на этот вопрос человек мог ответить тогда только в меру своих слабых возможностей, и поэтому мировоззрение могло возникнуть только в его мифическом виде, когда, выделяясь из природы, человек компенсировал свой уход из животного рая самодостаточного безвещного существования тем, что в воображении очеловечивал и «ороднял» природу, то есть антропоморфизировал и социоморфизировал ее. Безусловно, это так, но мы бы отметили соразмерность возможностей и в этой соразмерности выделили бы особое место и значение Космоса, космологических и космогонических представлений в мифологическом мышлении, о чем пойдет речь ниже. На наш взгляд, синтезированное включение в свою соразмерную (своему уровню развития сознания) мировоззренческую систему триады человек – природа – космос навсегда оставит мифопоэтический период жизни человечества образом гармоничного сосуществования человека, Земли, Вселенной.

«Ороднение» природы было вероятно связано со страхом человека перед грозными силами природы, попыткой «приблизить» ее к себе, чтобы понять происходящее и выжить. Содержательная часть мифов этиологических, культовых, календарных, антропогонических, ближних, тотемических состоит, во-первых, из персонифицированных представлений о происхождении объектов природы – животных, рас-

тений, гор и морей и т.д., циклов природы и связанных с ними обрядностью и аграрной магией, и, во-вторых, из представлений о происхождении самого человека как части природы, его уклада жизни и фиксации основных моментов жизненного цикла, видов хозяйственной деятельности, культовых действий. Подобные мифы часто слабо сакрализованы и в мышлении связаны с этическим направлением движения, с горизонтально, с мирским, с профанным. Вертикаль же связана с сакральным, с высшими ценностями, с порядком высшей степени, с космосом, с космологическими и космогоническими представлениями. Разделение мировосприятия на два направления – горизонталь и вертикаль, на сакральное и профаническое, отражает специфичную черту мышления человека мифологического. Профанное не входит в систему высших ценностей, только в сакральном мире существуют и известны правила его организации, структура пространства и времени, вне его – хаос. Именно переход от неорганизованного хаоса к упорядоченному космосу составляет основной внутренний смысл мифологии, содержащийся уже в архаичных мифах творения. «Важнейшая функция мифического времени и самого мифа – создание модели, примера, образца» [7]. И этот образец связан для древнего человека, еще не умеющего разобратся в природных явлениях и эффективно выживать в природе (средний возраст жизни, по оценкам, составлял в тот период 20–25 лет), прежде всего с космосом. Почему? Почему, только-только осознав себя, человек, образно выражаясь, поднял глаза к небу? Почему космос воспринимается им как порядок, красота, как иерархически высшее, как вертикаль, как что-то постоянное и вечное, как учитель? Вертикаль, в которой порождающим фактором обладает только добро? Напрашивается вывод, что самим порождающим фактом этого первоначального «осознав себя» и «выделяя себя из природы» был космос своей какой-то невыразимо сущностной частью. А сам человек – микрокосм, не просто часть целого, не один из элементов Вселенной, но уменьшенная и воспроизводящая ее реплика, микрокосм, который целостен и завершен в себе, как и большой мир. Современная физика могла бы проинтерпретировать такое представление как принцип голографирования, поскольку, непременное свойство голографирования состоит в том, что если разбить голографическую пластинку на куски и осветить лазером любой кусочек, то появится полный образ, который присутствовал на пластине в целом. Репрезентация космоса, проявленная присущим тому уровню сознания сказочным фантастическим образом, в мифологическом сознании отражает идеальное, соединенное с материальным в человеке, как части природы.

Специфичной особенностью мифологического сознания также можно обозначить наличие фундаментальной идеи космического цикла, идеи кругового времени, обновления мира через космогонию. Космический цикл осознается как бесконечное повторение одного и того же ритма – рождение, жизнь, смерть. Космос тоже может погибать, но обязательно возрождается снова. «Вполне четкое разграничение между прошедшим, настоящим и будущим становится возможным только тогда, когда линейное восприятие времени, сопряженное с идеей его необратимости, делается доминирующим в общественном сознании. Это не значит, что в архаических обществах совсем отсутствует подобное различие: жизненный опыт дает человеку материал для уяснения последовательности его поступков и явлений природы. Хронологические серии, в которые организуется практическая жизнь первобытных людей, в их сознании отделены от циклического времени мифа, предки и их живые потомки существуют в разных временных измерениях. Однако празднества и ритуалы образуют то звено, при посредстве которого связываются между собой эти два восприятия времени, два уровня осознания действительности. Таким образом, линейное время не преобладает в человеческом сознании, – оно подчинено циклическому восприятию жизненных явлений, ибо именно повторяющееся время лежит в основе мифологических представлений, воплощающих мировоззрение первобытного человека» [8]. Как пишет А.Л. Симанов, «фактически появляются своеобразные концепции цикличности существования мира, сменяющихся друг друга “мировых эр” и “множественности миров”» [9]. Сам же акт первотворения практически во всех мифологических системах связан с точкой в пространстве и времени, где он совершился, или с центром мира, через которую проходит символическая ось, кратчайшим способом связывающая землю и человека с небом и творцом [10]. Понятие центра мира, мировой горы, храма, креста, космического дерева – дерева жизни занимает важнейшее место в миропонимании. В этом универсальном образе наличия центра сводятся воедино общие бинарные смысловые противопоставления, описывающие основные параметры мира. Исследователь религии М. Элиаде пишет: «Достаточно напомнить, что вертикальное положение тела уже отмечает отрыв человека от типичного для прегоминид состояния. Удержать позицию прямохождения было невозможно без постоянно бдящего сознания. Человек выпрямился – и в силу этого пространство приобрело структуру, недоступную для антропоидов: четыре горизонтальных вектора, отходящих от центральной вертикальной оси. Иначе

говоря, пространство выстроилось вперед, назад, направо, налево, вверх и вниз от человеческого тела. Из нового и порождающего опыта – ощущения себя “ввергнутым” в необозримую, неведомую и угрожающую беспредельность – развились разные способы *orientatio*; потому что нельзя сколько-нибудь долго прожить посреди хаотического коловращения, без всяких точек отсчета. Ощущение пространства, упорядоченного вокруг некоего “центра”, объясняет смысловую нагрузку парадигматической разбивки территорий, стоянок и жилищ и их космогонический символизм» [11]. Непременное наличие центра репрезентировано помещением в нем образа Мирового Древа, которое, как ключевая знаково-символьная структура сознания, определяет формальную и содержательную организацию вселенского пространства, исходя из тождества микро и макрокосма, природы и человека. По сути, это точка пересечения вселенной и человека. Образ Мирового Древа гарантирует целостный взгляд на мир и фиксирует место человека во Вселенной. Отсюда многообразие вложенных смыслов и членений – бинарные противопоставления (верх – низ, земля – небо, земля – нижний мир, огонь – влага, мужчина – женщина, причина – следствие, горизонталь – вертикаль, свое – чужое), трехчастное деление (корни – ствол – ветви, прошлое – настоящее – будущее, предки – нынешнее поколение – потомки, голова – туловище – ноги, три героя сказки, огонь – вода – земля, птицы – копытные – змеи, рыбы, возникновение – развитие – завершение), четырехчастное (направления сторон света, ветров, времена года, части суток, цвета, тетрады персонажей), семичастное (как суммирование двух предыдущих), двенадцати-частное (как образ полноты). Вертикальное членение соотносится с космологическим, с сакральным, горизонталь или горизонтальная плоскость (круг, квадрат) – с земным, с ритуалами и их участниками. Высшим сакральным смыслом обладает точка начала в пространстве и времени, где стоит Мировое Древо и где каждый год во время праздника нового и старого года происходит борьба пришедших в упадок сил космоса и набравших мощь сил зла, неизменно заканчивающаяся победой сил добра и воссозданием нового мира. «В культурном развитии человечества концепция Мирового Древа оставила по себе следы в многочисленных космологических, религиозных и мифологических представлениях, отраженных в языке, в словесных текстах разного рода, в поэтических образах, в изобразительном искусстве, архитектуре, планировке поселений, в ритуале, играх, хореографии, в социальных и экономических структурах» [12]. Примечательно, что и сама сфера

социального, структура и механизмы деятельности человеческого общества определяются с точки зрения мифологического сознания в большой степени космологическими принципами и аналогиями, которые одновременно являются фактически внутренними характеристиками социума. Фактически Мировое Древо – модель структуры культуры, в своих структурных построениях и в современном мире в самых различных областях человеческой жизни имеющая свои репрезентации и аналогии.

Анализируя генезис мировоззрения в доисторические времена, А.Н. Чанышев указывает на ошибочность применения к первобытному сознанию понятия синкретизма, указывая на его кажущуюся нерасчлененность. Он утверждает, что первобытное сознание дуалистично: «В нем издавна существовал глубокий раскол между реальными знаниями – плодом деятельности практического рассудка (соображения) и художественно-мифико-религиозным комплексом – плодом мировоззренческого воображения. Реальные знания часто существовали в оболочке мифов и магических действий и заклинаний... Мифическая часть религии по существу ничем не отличается от чистой мифики. Разница функциональная: мифическое мировоззрение религиозно лишь тогда, когда оно обслуживает культ. Однако этот культ может приобрести самостоятельную силу, независимо от воли богов. Тогда религиозный ритуал превращается в магический» [13]. Следовательно, магия и культ имеют мало отношения к божественному, а есть лишь результат использования этого божественного человеком в своих целях. В мифике велика вероятность принять антропоморфизацию за божественное, не выделяя ту здоровую компоненту, благодаря которой в современной физике обнаруживается много соответствий с представлениями мифологическими. К выделению в мифологическом сознании, на присущем ему (научный критерий соотносится с правилом измерять явление адекватным ему масштабам) соразмерным возможностям языке мифов, легенд, сказаний о глубоких сущностных оснований мироздания приходит и М. Элиаде в предисловии к своей книге. Он пишет: «Очень жаль, что у нас нет более точного слова, чем религия, для обозначения опыта священного. Разве не странно обозначать одним и тем же словом опыт Ближнего Востока, иудаизма, христианства, ислама, буддизма, конфуцианства и так называемы примитивных народов? Но искать новый термин поздно и мы можем использовать понятие “религия”, если будем помнить, что оно не обязательно обозначает веру в Бога, богов или духов, а обозначает опыт священного, и, следовательно, свя-

зано с идеями существования, значения и истины» [14]. Следовательно, имеет значение не религия, а сущностные, рациональные, осмысленные, подлинные аспекты устройства миробития.

Рассуждая о пространстве мифологического мышления в системном контексте, можно выделить и перечислить следующие ключевые, на наш взгляд, методологические принципы и подходы мифологического сознания: принцип общезначимости; принцип структурированности; принцип высшей гармонии космоса; принцип голографичности; принцип включенности в миропорядок, в мир в целом, в природу; принцип взаимосвязанности частей и целого; принцип определяемости профанного сакральным; принцип иерархичности – соподчиненности микрокосма макрокосму; принцип целостности и завершенности; принцип соотнесенности и подчинения социального космологическому; принцип антропоморфизации; принцип противопоставлений; принцип централизации; принцип цикличности; принцип локализации; принцип анизотропии пространственных направлений (модель Мирового Древа); принцип «неиссякаемого оптимизма». Последний связан с тем, что миф часто именуют памятью человечества. Не только потому, что он тысячелетиями передавался из уст в уста, но и потому, что обучал жить, оглядываясь вспять, к образцу, к постоянному, к идеалу. В своем циклическом времени человек был изначально в том месте, откуда и куда он шел в попытке соприкоснуться к этому космическому образцу, с каждым витком то приближаясь к нему, то, напротив, отдаляясь. И это приближение и отдаление исследователи связывают с припоминанием или забвением, с той особого рода памятью, что хранит образец, который есть всегда, а наличие и реализация его в жизни каждого человека зависит лишь от самого человека, его собственных стремлений соответствовать образцу, его выбора. Так, анализируя топику мифологического сознания, Л. Стародубцева выделяет в ней понятия пути и странствия, истолковывая перемещения в пространстве в поисках потерянного смысла как припоминание и забвение [15]. Две категории – «уход» и «возвращение» выступают важнейшими для понимания цели и направленности поисков сознания. Уход и возвращение протигонаправлены друг другу. Однако «алогичная логика» парадоксальной мифологической топики сознания в этой метафоре двойственна – если путь пролегает многократно между двумя Домами: Своим и Чужим, то уход из своего дома есть в то же время возвращение в чужой, а уход из чужого – возвращение в свой. Уход есть возвращение (сюжеты древнейших мифов, легенд, преданий о скитальцах и странниках, от «Одиссеи» до еван-

гельской притчи о блудном сыне – какими бы путями ни шел Одиссей, сколько бы испытаний не пришлось вынести – он все равно стремился домой, это было его главной задачей). В мифологическом сознании они совпадают: уход и возвращение в мифологическом времени есть вечный круговорот без начал и конца в попытке соприкоснуться к сакральному времени первотворения. Поэтому ход истории не становился уходом, смыкаясь в кольцо вечного возвращения. Но возвращение с различным качеством итога для самого человека – либо с реализацией соответствия образцу в освоении мира, либо в забвении этого образца, а соответственно, это другое качество (как возлюбленный Селены, Эндимион, погруженный в вечный сон на горе Латис). Круговорот же дает шанс вновь вспомнить образец. Важно, что забвение в мифах олицетворяет не существо, не личность, и даже не злая сила, а скорее явление, злые чары, отнимающие силы и волю, лишаящие власти и знания. Связанное с временным забвением, в котором происходят все несчастья и потери, зло не обладает собственной сущностной силой, а является скорее «плохим местом, топосом», куда временно попадает человек или божество. «Добрые божества и герои то и дело оказываются беспомощными жертвами злых сил, которым удалось околдовать их, лишив памяти. В состоянии забвения все существа слабы и беззащитны. Лишившись памяти, как Самсон волос, они теряют все свое могущество и силу. Возвращаясь в память, вновь их обретают. Противостояние памяти и забвения в мифе превращается в нескончаемый поединок добра и зла... забвение – не бог, не сверхъестественная сила, не космическая необходимость, но всего лишь отсутствие памяти, вызванное временным пребыванием героя в особом месте забвения... Чтобы вернуться к изначальному благу, достаточно покинуть место забвения, расколдовать чары, разорвать путы беспамятства» [16]. Принцип неиссякаемого оптимизма мифологического сознания основан на непрременной победе порождающих сил добра, памяти образца. По мнению Стародубцевой, мышление и действия современного человека линейны, в них отсутствует та символическая вертикаль, что обеспечивает гармоничную связь человека с Космосом и природой. «Современный человек живет в динамичном, необратимом, непоправимо прямолинейном времени, в котором мифопоэтическое вечное возвращение – всего лишь ретроспективная утопия. Современный человек живет в открытом для катастроф и дисгармонии, трагичном мире, который так далек от мифопоэтической логики неизменной победы порядка над хаосом, добра над злом. Этот мир признает “самый

метафизический из всех физических законов», как называл третий закон термодинамики Бергсон: в беспрерывно отгоняемом страхе надвигающейся энтропии. Сознание давно впустило в себя хаос и научилось ужиться с ним. Единственное, что остается: закрыть глаза перед видом пропасти Ничто, в которую бытие соскальзывает стремительно и неумолимо» [17]. В таком подходе метафора «после нас хоть потоп» вполне соответствует такому мировосприятию, в нем движение только в направлении «от», от самого себя. Возможно, в этом причина безудержной гонки за материальными благами, в ущерб окружающему пространству, в том числе людям? Стародубцева считает, что мифы, памятью возвращаясь к прошлому, заглядывают в будущее в том смысле, что включенное понимание человеком своей взаимосвязанности с природой и космосом придает особые смыслы жизни, и сегодня может придать ей другие импульсы и направления деятельности. А.Л. Симанов и А. Стригачев в послесловии к своей книге также приходят к выводу о том, что нужно создать основу для выявления космической сущности человека и человечества для выработки единой онтологизированной и объективированной методологии, видя такие основания и широкие возможности в развитии космомикрoфизики [18].

Примечания

1. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – С. 26.
2. *Токарев С.А.* Проблема общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. – Л., 1972. – С. 252.
3. *Пространство и время.* – Киев: Наукова думка, 1984. – С. 40.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч.: 2-е изд. Т. 32. – С. 45.
5. *Уитроу Дж.* Естественная философия времени. – М., 1964. – С. 74.
6. *Чанышев А.Н.* История философии древнего мира. – М.: Академ. проект, 2011. – С. 5.
7. *Мифологический словарь.* – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1991. – С. 653.
8. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – С. 28.
9. *Потемкин В.К., Симанов А.Л.* Пространство в структуре мира. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. – С. 10.
10. См.: *Топоров В.Н.* О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Т. 6. Вып. 308. Изд-во Тартуского ун-та. 1973.
11. *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. Т. 1: От каменного века до элевсинских мистерий. – М.: Критерион, 2002. – С. 16.
12. *Топоров В.Н.* Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М.: Сов. энциклопедия. 1980. – Т. 1. – С. 405.
13. *Чанышев А.Н.* История философии древнего мира. – С. 5.

14. *Элиаде М.* Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – С. 7.
15. См.: *Стародубцева Л.* Мифологическое пространство и время в современной культуре. – Харьков: Изд. Харьковской гос. академии культуры // URL: www.newacropolis.org.ua (обращение 22.12.2011).
16. Там же.
17. Там же.
18. *Симанов А.Л. Стригачев А.* Методологические принципы физики: общее и особенное. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1992. – С. 203.

Дата поступления 04.06.2012

Институт философии и права
СО РАН, г. Новосибирск
tanya070164@mail.ru

Guseva, T.L. The philosophical categories of space and time: a historical aspect

The paper discusses the origin of the pre-categorical concepts of space-time and cosmological ideas of primitive people in the aspect of the specific character of mythological thinking as well as in the aspect of the development of genesis of these basic categories and their connection with the development of the ancient society. The author attempts to single out conceptual and methodological approaches to cognition of the world practiced by ancient people and to show their possible applicability at the modern stage of development of science and society.

Keywords: category, space, time, cosmology, matter, mythology